

ГЛАВА 1

Рассвет окрашивал розовым цветом низкие облака. А небо как будто сопротивлялось краскам, оставаясь серым и недобрим. На рассвете атака, и каждому бойцу все вокруг кажется подчиненным этому событию, этому мигу между жизнью и смертью. Суровые лица солдат, проверяющих свое оружие. Каждое лицо сосредоточено. Холодная броня танков, подсохшая трава с комьями земли на траках гусениц. Но вот взошло солнце, облака, казалось, послушно расступились, и небо полыхнуло глубокой лазурью. Лучи солнца осветили лес и поле, заиграли всеми цветами радуги капельки росы на броне.

— Красиво как, — невольно произнес вполголоса молодой автоматчик Пашка Селиверстов. — И не верится, что через пять минут снова война, смерть...

— Это еще не красиво, — хмыкнул черноглазый Янко Пеняк. — Вон там будет красиво. Доживешь, Пашка, и узнаешь, что такое красиво, а что нет.

— Где это там? — уставился на солдата Пашка, начавший было надевать на голову каску.

— А вон там, впереди! Видишь горы впереди? Карпаты. Моя родина, мой дом. Я же гуцул. Склоны, поросшие лесами, хвоя пьянит своим запахом, ледяные потоки сбегают с гор, чистые, как слеза. А песни! Какие песни поют гуцульские девушки! Заслушаешься.

— Ты еще скажи, что гуцульские девушки самые красивые, — рассмеялся Пашка.

— Конечно, — уверенно сказал Янко. — А ты разве не знал?

Ответить Селиверстов не успел. Над перелеском пронеслись команды «заводи» и «по машинам». Десант из автоматчиков быстро забрался на броню «тридцатьчетверок». Вчера поздно вечером каким-то чудом к танковой группе пробились несколько машин со снарядами. Пополнив боезапас, командир решил, что для одного броска горячего хватит. Должно хватить, главное, быстрее выскочить к концлагерю, не дать фашистам уничтожить или эвакуировать узников. Кто-то даже уточнял, что лагерь детский. Бойцы рвались в бой, у каждого дома остались сестры, братья, дети, племянники. У каждого танкиста и автоматчика на броне сердце кровью обливалось от мыслей, что могли творить гитлеровцы с детьми в таких вот лагерях.

Поредевший во время прорыва танковый батальон развернулся в степи широким фронтом и пошел вперед. Гулко ударила пушка первого танка, потом второго. Моторы ревели на пределе, и танки шли на максимальной скорости, насколько позволяла местность. Преодолеть открытое пространство, сблизиться с противником, подойти ближе к позициям фашистов. Вот уже видны столбы с колючей проволокой, пулеметные вышки и низкие бараки. Снаружи несколько холмиков, видимо дзоты. Снова несколько выстрелов танковых пушек по целям, которые могли оказаться огневыми точками. А потом советские солдаты увидели, что среди охраны лагеря началась невероятная паника.

Несколько грузовиков вынырнули из-за барраков и попытались уехать в сторону дороги, но два из них тут же были разнесены взрывами от танковых снарядов. В одном из дзотов заработал немецкий пулемет, но ближайший советский танк, даже не стреляя, просто гусеницами разнес по бревнышку огневую точку. Два танка прорвались на территорию концлагеря, за ними волочилась проволока и обломки деревянных столбов. Рухнула пулеметная вышка, и к баракам прорвались советские автоматчики. Навстречу выбегали женщины в полосатых халатах, некоторые несли

на руках детей. Почерневшие изможденные лица, тонкие ручки и ножки. Десантники останавливались и молча смотрели на освобожденных узников. Они смотрели и не верили, что такое можно сделать с людьми. И кто, ведь это тоже сделали люди! Или не люди? Командир танкового десанта лейтенант Борович снял каску, бросил ее на землю и бросился к узникам. Он обнимал женщин, прижимал к груди детей и шептал:

— Господи, да за что же вас так... Родные, мы уже здесь, не бойтесь... Больше этого не будет... Простите, что не пришли раньше!

Горючего больше не было. Приказ от командования пришел простой — накормить, оказать любую посильную помощь узникам и ждать прибытия медиков. Командир танкового батальона капитан Рязанов приказал расставить танки так, чтобы их не было видно с самолета. Замаскировав технику под деревьями, между строениями, Рязанов не забывал и о том, что ему, возможно, предстоит держать круговую оборону. Крепкий, плечистый лейтенант Борович подошел к командирской машине и со стуком положил на броню автомат.

— Боевое охранение выставил, ребят на кухню послал, но там из еды такое, что я умирать буду, а есть не стану.

— Станешь, — пообещал Рязанов, склонившись над картой местности. — Ты мне вот что скажи, пехота, чем кормить будем этих несчастных?

— На первых порах НЗ наше соберем. Полевая кухня нас не скоро догонит. А потом можно наведаться вон в тот поселок. Я сейчас туда отправлю на разведку отделение своих бойцов.

— У тебя сколько от роты осталось, лейтенант? — вздохнул танкист. — Мы с боями неделю рвемся на запад!

— Тридцать пять человек в строю, — угрюмо ответил лейтенант. — В том числе и трое легко раненных, которые отказались остаться в санбате.

— Шиш да маленько, — кивнул капитан. — Много мы людей потеряли, но зато немчуре крепко дали прикурить. Давай не рисковать! Вдруг там фашист прячется, окопался и помощи от своих ждет. У меня немного осталось горючего. Я тебе два танка дам в подмогу. Если что, они разнесут этот поселок в щепки. Пусть только фашисты хоть раз выстрелят в вашу сторону!

— Ладно, я сам туда пойду, — решительно сказал лейтенант.

Лаврентий Павлович Берия всегда отличался выдержкой, мало кто был свидетелем его гнева, раздражения. Не любил всесильный нарком по-

казывать свою усталость, слабость, непонимание чего-то или даже неосведомленность. Поэтому Берия никогда не спешил открывать рот, особенно в кабинете Сталина. Его слова всегда были взвешенными, обдуманными. Если тебе нечего сказать, то лучше вообще ничего не говорить, чем говорить хоть что-то. И сейчас, когда перед ним навтыяжку стояли комиссар госбезопасности Платов и командир особой оперативной группы Шелестов, нарком тоже не спешил говорить. Он прохаживался по кабинету, застеленному мягким ковром, и смотрел на мыски своих начищенных сапог. Шаги были почти неслышны и поэтому казались кошачьими, как будто нарком подкрадывается к кому-то или к чему-то.

— После Сталинграда и Курской дуги мы наступаем, — наконец, заговорил Берия. — Хорошо наступаем! Враг потерял инициативу, это очевидно. Гитлеровское командование не сумело реализовать за это время ни одной мало-мальски существенной наступательной операции. На фронтах, да и здесь, в Москве, многим уже грезится близкая победа, разгром нацистской Германии. И она обязательно будет!

Шелестов удивленно посмотрел на Платова. Что это с наркомом? Он вызвал подчиненных, чтобы поделиться тем, что у него на душе? Не замечал

он раньше у Берии таких стремлений. Но Платов только движением бровей показал, что нужно подождать. Берия был по своей натуре неплохим актером, не мог он без артистических пассажей. Очень часто он отдавал свои приказы после вот таких вот «подводок». И сегодняшний день не был исключением. Берия повернулся к своим подчиненным, стоявшим посреди кабинета, и продолжил говорить уже решительным уверенным тоном:

— Кончится эта война, но будет другая, и за ней следующая. Но это будут уже другие войны. Не только горячие, но и холодные, будет противостояние и бряцание оружием, будут в тиши кабинетов и лабораторий изобретать новые способы убийства, новые способы победить в войне. Были попытки и в начале века на европейском театре военных действий, будут и впредь.

Посмотрев в глаза своим подчиненным, Берия как будто убедился, что те прониклись всей важностью предстоящего задания, и кивнул на стулья у приставного стола. Усевшись на свое рабочее место, он дождался, пока сядут сотрудники, и взял со стола карандаш. Это было в манере наркома, использовать предметы в виде указки или дирижерской палочки.

— На днях наши передовые подразделения из состава частей прорыва вышли к предгорьям

Карпат, — помахивая карандашом, снова заговорил нарком. — Танковая группа спешила освободить концлагерь, пока фашисты не уничтожили узников. И они успели, за что честь им и хвала. Это был детский концлагерь, и наши бойцы обнаружили там кое-что страшное. Рядом с лагерем располагался научный городок, лаборатория, в которой нацисты разрабатывали новое оружие, испытывали вирусы, которые можно было бы использовать для массового заражения мирного населения или наступающей армии противника.

— Да, — не удержался от восклицания Шелестов. — Это уже совсем другая война...

— Другая! — оборвал оперативника Берия. — И чтобы она не случилась, чтобы избежать такой войны, ваша группа, товарищ Шелестов, должна отправиться в предгорья Карпат, разобраться в ситуации, получить необходимые данные на месте.

— Что уже известно, Лаврентий Павлович? — уточнил Платов.

— Прибывший на место представитель Главного санитарного управления Красной армии смог установить по остаткам оборудования, что исследования, скорее всего, велись в области вирусологии. Никаких записей, журналов и образцов, вообще никаких материалов на месте не об-

наружили. Но часть узников концлагеря показала, что в лабораторию привозили детей и назад в лагерь они уже не возвращались. Неподалеку есть место захоронения обугленных детских останков. Видимо, зараженных детей, чьи тела перед побегом фашисты уничтожали. По другим каналам мы получили сведения, что немцы не успели вывезти с освобожденной нашей армией территории железнодорожный вагон. Или не стали вывозить, оставив его специально. В этом вагоне детские игрушки в красивых привлекательных упаковках, конфеты в цветных фантиках. Все это может быть заражено смертельным вирусом, передающимся воздушно-капельным путем или при физическом контакте. Задача группы найти материалы лаборатории и вагон. Материалы передать нашим медикам, вагон уничтожить на месте.

— Нам необходимо знать, как можно уничтожить вагон с этими игрушками так, чтобы не заразить все вокруг на многие километры и не вызвать эпидемию в той местности, — сказал Шелестов.

— Платов, — Берия посмотрел на комиссара госбезопасности, — найди им консультанта-вирусолога и отправь вместе с группой. Пусть помогает и советует на месте. Пока что есть предположение, что высокая температура губительна для этого вируса, да и для любого вируса вообще.

Здесь в этой папке собрано все, что удалось получить на сегодняшний день. Группе вылететь на место сегодня же.

Берия достал из выдвижного ящика стола черную кожаную папку и положил перед Платовым. После разрешения идти Платов и Шелестов вышли в коридор. До кабинета комиссара госбезопасности они шли молча, размышляя о полученной информации и своих возможных действиях. В приемной на стульях расположились Буторин, Коган и Сосновский. Платов остановился и кивком поприветствовал группу. Буторин как всегда был хмур. Поднимаясь со стула, он по привычке пригладил седые волосы, постриженные ежиком. Поднимался Буторин тяжело, только что не закричал в этот момент. Но Платов прекрасно знал, что это просто видимость, своего рода игра. Буторин быстр в движениях, лучше всех в группе владеет и оружием и сильнее всех в рукопашной схватке. Бывший следователь особого отдела НКВД Коган серьезен, почти равнодушен, но в его уме уже зреет решение проблемы, прикидываются пути решения задачи. Сейчас Коган еще не знает о сути предстоящего задания, но наверняка уже познакомился со сводками, попытался понять, где понадобилась помощь особой оперативной группы Лаврентия Берии.

А вот Сосновского воспринимать всерьез Платов так и не научился. Знал, что тот, как и Буторин, бывший разведчик, что несколько лет работал в Германии. Но этот пижон и актер всегда шокировал его своими образами, странного цвета галстуками, какими-то шейными платочками или красивыми летними туфлями, изящной белой шляпой, как сегодня. Все считали Сосновского бабником и легкомысленным человеком, и он этот образ всячески поддерживал. Высокий, симпатичный, с правильными холодными чертами лица, с эдаким налетом одухотворенной романтичности. Мало кто, глядя на Михаила Сосновского, может предположить, что он в совершенстве владеет всеми способами убийства без оружия. Впрочем, с помощью оружия тоже.

Первым делом Платов поднял трубку телефона и приказал своему незримому помощнику решить вопрос с военным транспортным самолетом в прифронтовой район. Группа, слушая разговор комиссара государственной безопасности и своего непосредственного начальника, никак не отреагировала на эту информацию. За годы работы с Платовым члены группы привыкли к таким неожиданным заданиям. Положив трубку, Платов объявил, что вылет через несколько часов, и стал излагать имеющиеся данные.